

отношении явился итогом большой и плодотворной работы многих и многих деятелей передовой культуры.

В самом деле, уже XVIII столетие вновь поставило в литературе проблему обращения к источникам народного творчества как к живительному роднику культуры. Нужно помнить, что в течение всего XVIII в. фольклор оставался живой силой в быту почти всех слоев русского общества. Даже русские помещики того времени воспринимали народную песню, сказку, поговорку от своих мамушек-нянюшек, от крепостных «дядек», от своих крестьян у себя в поместье, — с самого детства. Для купечества, мещанства, не говоря уже о крестьянстве, фольклор, и старинный, унаследованный от дедов, и творимый вновь и развивающийся, был основой художественного мышления, фундаментом эстетической практики. Однако тут же следует уточнить и разграничить явления различного порядка. Ником образом не следует смешивать дворянские и тем более придворные стилизации фольклора с демократическими явлениями искусства, органически возникавшими на его почве, вводившими его в литературу как идеологически ответственный элемент ее. Правда, относительная близость к фольклору вносила характерные черты в облик русского классицизма, чуждые и классицизму Буало и Расина и немецкому классицизму Готтшеда, — так же как в облик русского дворянского искусства вообще. Эта близость к стихии народной речи отразилась и в метком, остром реалистическом слове Фонвизина, и в не организованной никакими учеными канонами речи Державина со всеми ее «неправильностями» с точки зрения школьной грамматики литературного языка дворянства, и даже в свободных ритмах его поэзии. И, может быть, самым далеким от народной стихии слова и искусства оказался Карамзин, несмотря на его умиление по поводу свободных швейцарских пастухов и на его поэму «Илья Муромец», более близкую к Ариосто, чем к былинам. Когда перед ним стал вопрос о романтическом воссоздании национальных культур в искусстве, ему было более с руки строить романтические образы в окружении испанской рыцарской традиции или оссиановских легенд, чем обратиться к русскому фольклору. Тем же путем пошел и Жуковский; и здесь они следовали Западу; но для германских поэтов германская романтика средневековья была полна своего национального пафоса, для русских — она была чуждой, отводящей от своей действительности, от своего народа; дворянское искусство России, имитируя передовую мысль Запада, делало это в конце века ради отечественной реакции. Само собой разумеется, что более или менее демократические течения русской литературы использовали фольклор сознательно — как искусство национальное и демократическое, как свое собственное искусство.

Именно история фольклорных исканий внедворянской литературы в особенности важна в смысле подготовки проблемы народности в новой русской литературе, хотя, конечно, самая народность нисколько не сводится к внешнему сближению с фольклором.